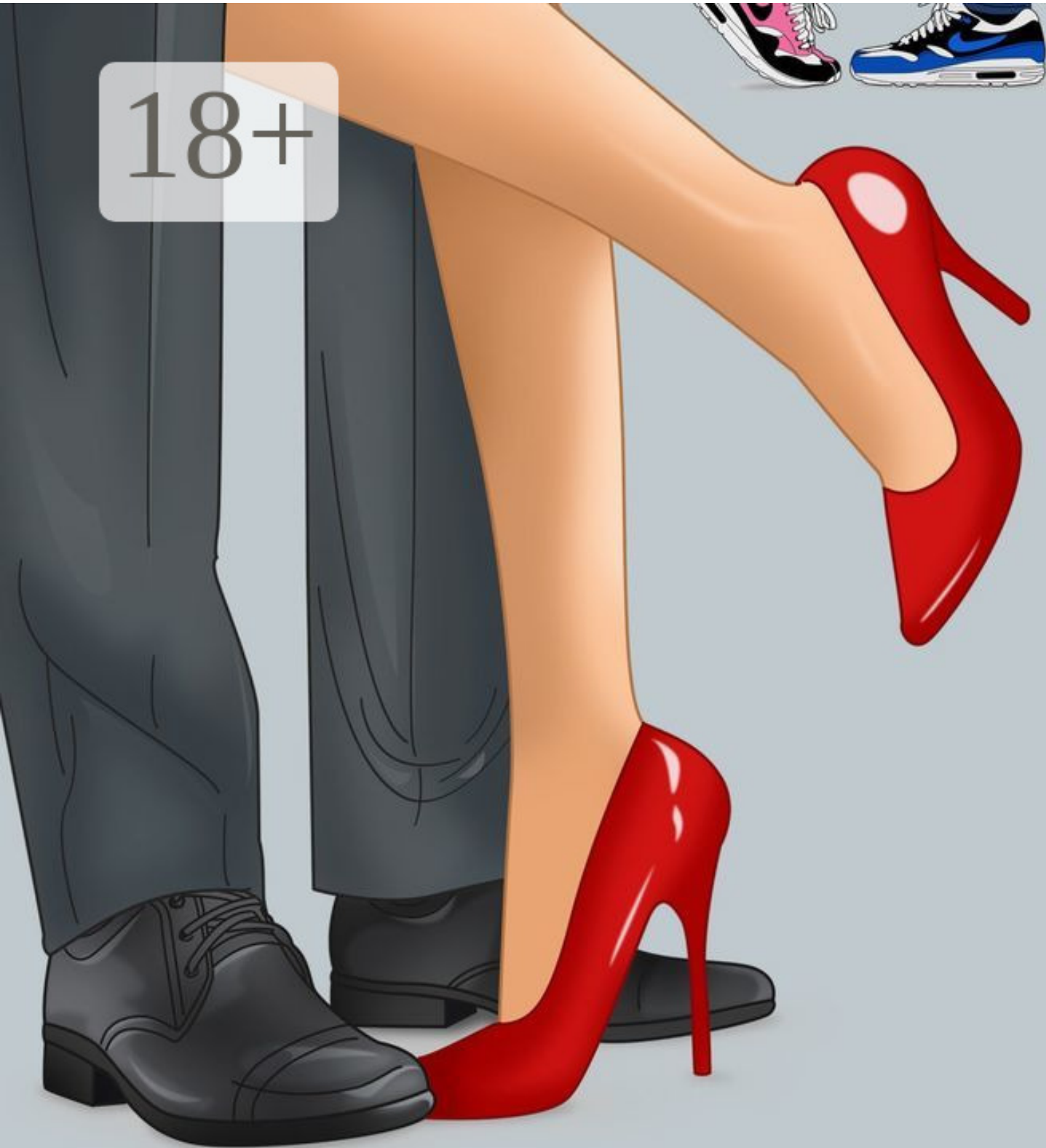

18+

Елена Котикова

Бус,

поводырь-невидимка

Елена Котикова

Бус, поводырь-невидимка

«Издательские решения»

Котикова Е.

Бус, поводырь-невидимка / Е. Котикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900379-9

Любовь слепа — думают люди. Любовь безгранична и бессмертна — знают собаки. Эта история о собаке-поводыре, его любимом человеке, возлюбленной любимого человека и их влюблённых детях.

ISBN 978-5-44-900379-9

© Котикова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвёртая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бус, поводырь-невидимка

Елена Котикова

© Елена Котикова, 2020

ISBN 978-5-4490-0379-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю Д.Б.

Глава первая

В одну из арок городского парка вошли и неспешно побрели мужчина, мальчик и собака. Мужчина был высок, в расстёгнутом пальто и шляпе, которая не только привлекала внимание, но и добавляла некой экстравагантности. Идеально выбритое лицо, слегка впалые щёки, выдающийся нос и невыдающиеся губы. Возраст – около сорока пяти.

Неспешная и слегка небрежная походка, в сочетании с классическими туфлями, которые словно пружинили и выворачивали ногу в сторону, придавали ещё больше важности. Ровная спина и, по всей видимости, ровный взгляд – головой он не вертел и не наклонял, но куда точно смотрел, понять было невозможно из-за солнцезащитных очков. И это, несмотря на особенно стеснительное утреннее солнце. В правой руке он нёс сложенный в несколько раз кожаный поводок, а в левой – зонт-трость, и при каждом шаге постукивал им об асфальт.

А мальчик был удивительно большезлаз. Огромные, как у телёнка глаза, к которым, словно сверху и снизу приклеили щёточки с длинными ворсинками. Волосы слегка подвигались на концах, на правой бледной щеке красовалась родинка, на переносице затягивающийся тонкий порез. И если бы не этот порез и несколько взъерошенный и задиристый взгляд, то лицом он даже больше походил на хорошенькую девочку лет десяти. С некоторых пор, он старался улыбаться, не разжимая губ – стеснялся «заячьих» зубов. Его слегка вытянутую и сутулую фигуру уплотняли мешковатая куртка с капюшоном и любимые джинсы. Он лениво поднимал, вернее, недоподнимал, ноги, и шаркал об асфальт кроссовками, иногда цепляясь одной за другую. Правая рука крепко сжимала книгу в старом, но крепком переплётё.

Впереди, как бы ведя за собой мужчину и мальчика, шёл лабрадор. Взрослый, крепкий, палевоый кобель. Он был спущен с поводка практически перед входом в парк, но не пустился «в бега», потому что был умён и воспитан.

Они расположились на одной из скамеек вокруг большой клумбы, которая в начале апреля ещё не была почищена от прошлогодних цветов и листвы. Мужчина зацепил зонт за спинку скамейки и сел, закинув ногу на ногу и сложив руки одну на другую. Мальчик сидел, так же как и шёл, ссутулившись, и прочитав стихотворение, без выражения, с запинками и неправильной расстановкой интонаций, замолчал, уставившись в книгу.

– Как впечатление? – наконец спросил мужчина, всё это время сидевший почти неподвижно.

– Ну, как это... Ну, сильно, – пожевал слова юный книголюб.

– Сильно? – мужчина повернул голову к мальчику. – Хорошо сказано, точно. А что больше всего понравилось?

– Про дуло, – отрапортовал мальчик.

Мужчина понимающе закивал.

– Страшно?

Мальчик тоже покивал, и, опустив глаза в книгу, быстро перехватил инициативу.

– А тебе?

– Мне больше всего нравится про черёмуху.

– А... Ну, да. А почему?

Мужчина прочитал «Расстрел» так, как, возможно, хотел бы Набоков, но слегка задыхаясь и потому торопясь к финалу.

– Представь, – он вскинул указательный палец. – Ночь, темно, тонкий полумесяц, – спрятал палец в кулак, и тут же тон сменился с романтического на резкий, отвергающий, брезгливый, – и грязный, сырой, вонючий овраг. В котором, так уж получилось, лежит убитый человек, такой как я, например, или даже моложе. Лежит на земле, но кажется, что на белой простыне, потому что с черёмухи цветы осыпались. Как бы подстелили под него своеобразную простынь,

понимаешь? А может, и сверху ещё накрыли? Позаботились, раз уж больше некому. И я так думаю, что аромат этого цветущего дерева, мощного и красивого, заглушает всю овражную гадость, в которой лежит этот бедняга. Ты как думаешь?

– ...Да, – после некоторой паузы согласился сражённый мальчик. – А ты стихи не сочинишь? – он охотно положил закрытую книгу на скамейку.

– Не пишу. Не дано.

– А говорят, что можно всему научиться.

– Можно, если хочешь....

– А ты не хочешь?

– Видимо, нет. Но, опять-таки, уж кем-кем, а поэтами рождаются, а не становятся.

– То есть, всё-таки не всему можно научиться? – ерзанул мальчик.

– Понимаешь, тут кольцо, замкнутый круг. Если чувствуешь, что хочешь, что-то сказать, то скажешь. А что такое чувство? Это – любовь. Без любви ничего нельзя делать....

– Особенно жениться?

– Особенно жениться.

Мальчик помолчал в лёгкой нерешительности и волнении, и наконец, спросил, серьёзно глядя на собеседника.

– А ты не «против», если я на Женьке женюсь?

– Я только «за».

Счастливо-смущённый мальчик отвернулся в другую сторону, и достаточно долго, но рассеяно, наблюдал за молодой мамой, склонившейся над коляской. Он резко посмотрел вперёд, когда мужчина громко позвал.

– Бус!

Мальчик встал, сделал шаг вперёд и тоже позвал.

– Бус!

Я выглянул из-за клумбы.

– Ко мне! – радостно скомандовал мальчик, и я рванул.

И вроде бы ничего особенного, отец и сын выгуливали собаку. На самом деле, собака выгуливала отца, который мальчику таковым не приходился, хотя, и был дважды отцом, и мальчик, разумеется, был чьим-то сыном.

Мы были соседями. Женя жил в однокомнатной квартире с мамой, а незрячий мужчина с собакой, то есть Глеб и я, в такой же квартире напротив. Кстати, я собака-поводырь. И всё, что я ниже изложу, предлагаю считать моим дневником.

Глава вторая

После более чем часовой прогулки мы поднялись на третий этаж кирпичного дома и остановились на относительно чистой лестничной клетке с четырьмя дверьми.

– Ко мне сейчас должна Люся прийти. . . .

В этот момент внизу хлопнула подъездная дверь, Глеб замолк и прислушался к шагам.

– А вот и Люся.

И действительно, через несколько секунд, к нам присоединилась девушка с ассиметричным каре. На ней была тонкая ветровка и короткое свободное платье, обнажавшее худые ноги.

– Оделась не по погоде, поторопилась, в этом вся Люся, – подумал я, глядя на неё. Замёрзла и потому сложила руки крест-накрест, сдавив ими грудь и приподняв плечи с тонкими лямками рюкзака.

– Здравствуй, Люся! – радостно сказал Глеб.

– Привет, мальчики! – улыбнувшись приятно и доброжелательно, она запустила руки под волосы и вытянула два тонких белых проводка с малюсенькими динамиками.

– Здравсти. . . , – с опозданием почти прощёптал Женька. Он старался не показать, как не рад её появлению, потому что рассчитывал ещё зависнуть у нас. Хотя Люся показалась ему симпатичной и прикольной (так всем кажется), и он знал, что для Глеба её приход важен, и догадывался, почему. Но немного ошибался.

– Жень, до вечера.

– Ага, я зайду, – Женька обернулся и увидел чуть ниже Люсиного затылка какой-то вытатуированный орнамент. И мне показалось, что он внутренне поморщился. Позже, на прогулке, он подтвердил мою догадку.

– Татуха?! Это глупо. Мама бы никогда не сделала!

Глава третья

После перепланировки, а попросту сноса стен (уцелела только ванная и санузел), наша квартира представляла собой одну большую комнату. Хозяин объяснял это безусловным комфортом. Действительно, зачем ему лишние углы?

В зоне прихожей находились сохранившиеся комнаты, дальше, по уже несуществующему коридору, на месте кухни, располагалась спальня – собственно кровать, комод и огромный шкаф, казалось вросший в стену. Остальное пространство было зонировано на кухню и гостиную. Всё просто, стильно, современно.

Я лежал на своём месте – в углу возле спальни, и смотрел на Глеба, сидящего на стуле посреди гостиной. Люся, вооружившись, гребнем, перчатками, миской с краской и кисточкой стояла сбоку от Глеба, который, казалось, замер в жутком нетерпении.

– О-о-о, друг мой, да ты седой совсем, – Люся сделала несколько лёгких движений, раздвигая короткие волосы на пробор.

– Люся! – Глеб недовольно закинул ногу на ногу, пошелестев пеньюаром.

– Не бойсь, седовласик, сейчас всё исправим, – она поцеловала его в щёку. – Стричься точно не будем?

– Не надо, – уверенно ответил Глеб, «глядя» вперёд своими, можно сказать, недвижимыми глазами.

– Хозяин-барин, – равнодушно согласилась Люся и нанесла первый мазок на отросшие корни аккуратной стрижки.

Я чихнул – не выношу этот едкий запах.

– Будь здоров! – сострила Люся, за что и получила мой недовольный взгляд.

– И вообще, ты в этом виновата, – якобы завёлся обиженный Глеб, на самом деле, таким образом, он просто поддерживал беседу.

– А что нельзя человеку поболеть?!

– Человеку можно, а богине – нет.

Люся довольно улыбнулась. Он знал это и тут же точным движением схватил её за ягодицу.

– Угомонись, а то сейчас всю морду раскрашу. У меня вообще-то муж есть.

– Но у меня-то нет!

Люся слегка рассмеялась, прифыркнув губами.

– Выходи за меня замуж, а?

– Ага! На хренась мне такое седое чудовище?

– Люся, у стен есть уши, – тихо процедил Глеб.

– Ты – педант, Глеб. Жуткий педант. Вот я – женщина, парикмахер, и то бывает, с отросшими корнями хожу.

– Ну, какая ты после этого женщина и парикмахер, ты..., – не договорив, он резко отвёл голову в сторону, догадываясь, что Люся слабенко треснет его кистью по макушке.

– Сиди ровно!

– Сижу, и на тебя не гляжу.

– Юморист, да?

Через два часа они расстались как влюблённые любовники. Пока богиня-парикмахер втискивалась в гибридный тубель с кедами, Глеб, целуя, попытался незаметно положить в её сумку деньги, но опытная в этих делах, Люся поймала его за руку.

– Это за покраску.

– Ладно, – быстро согласилась рыжая, и ещё раз поцеловала. – Красавчик! – и проведя рукой по его свежее покрашенным волосам, открыла дверь и по подъезду разнеслись удаляю-

щиеся прыжки и перескоки, по которым было понятно, что она, если не счастлива, то очень близка к этому. Глеб улыбнулся и, закрыв дверь на два оборота, повернулся ко мне.

– Ну что, теперь можно и девчонок клеить? – он усмехнулся, и быстро поведив рукой ото лба до макушки, слегка взлохматил волосы. – Какой из меня педант? Люся меня плохо знает.

Тут усмехнулся я – никто не знал Глеба лучше меня.

Мы перешли на кухню. Глеб открыл шкаф и достал глиняный китайский чайничек и пакетик из золотистой фольги. Он всё делал чётко и аккуратно – ни одной просыпанной чайинки, ни одной пролитой на стол капли кипятка.

– Давай, решим, что будет мять? – обратился Глеб ко мне и открыл холодильник. Я, всё это время терпеливо просидевший возле него, как-то воспрял духом и вильнув хвостом, с удовольствием посмотрел на освещённые полки незаменимого агрегата.

– Так, что тут у нас осталось от Нинель Юрьевны?

Глеб открывал кастрюли одну за другой и нюхал содержимое.

– Котлеты, рис, рулька, – Глеб повернул голову ко мне – я начинал нервничать. – Так, ну, рис однозначно..., надо доесть. Котлеты – их много. Уж, извини, – Глеб поставил на стол две серебристые кастрюли, и закрыл холодильник. – Давай, договоримся – полы помоешь, получишь рульку.

Я максимально выразительно, но негромко протестующе взвизгнул.

– Правильно, салат же ещё! – Глеб щёлкнул пальцами и, погромев овощными ящиками, достал миску с парой огурцов и помидоров, и плавно вытянув из подставки нож, приготовился резать.

Раздался звонок в дверь.

Глеб посмотрел на меня, как бы интересуясь моей версией, и направился в прихожую. Я, естественно, следом.

Точным движением крутанув защёлку, Глеб открыл дверь и по ворвавшимся в квартиру запахам немывтого тела, палёного алкоголя и ещё Бог знает чего, точно определил гостя.

Витёк жил в квартире, некогда принадлежавшей человеку криминальной судьбы. Куда, в конечном счёте, судьба его забросила, неизвестно, но пустовавшая несколько лет жилплощадь мистическим образом обрела нового хозяина – Витька. Квартиру эту, то бишь, предыдущего и нового владельца, обожал весь дом. Мол, живи, сосед, сто лет, но где-нибудь подальше, например, на кладбище. Этаким чёрный кот. Витёк не унывал, и как бы промежду прочим предупреждал, что в наследство ему досталась пуленепробиваемая дверь.

– Привет, Глебка! – как всегда первым поздоровался Витёк. Он забавно называл Глеба не Глеб Алексеевич или хотя бы Глеб, а так, по-братски, Глебка.

– Виктор, добрый день!

Лицо гостя было похоже на резиновый мяч, который проглотил несколько маленьких мячиков, и они прыгали внутри, растягивая лицо в самых непредсказуемых местах. По цвету этот мяч, был, пожалуй, ближе к старой свёкле или зрелой сливе.

Глеб всегда давал ему в долг – незначительные суммы на незначительные сроки. Однако насколько неправдоподобным бы это не казалось, но если в сроки сосед частенько не укладывался, то возвращал всегда всё до рубля, мелочью, но точно.

– Отдам через неделю, – Витёк просиял улыбкой человека, вновь обретшего смысл жизни. – Бус! – он как-то странно мне всегда подмигивал, одновременно вскидывая голову кверху, мол, не дрейфь, и тебе повезёт!

Только Глеб закрыл дверь, и сделал буквально пару шагов в направлении гостиной, как снова раздался звонок, и мы оба вздрогнули. Глеб как-то недовольно удивлённо посмотрел на меня, при этом громко вздохнув. И снова щёлкнула защёлка, и неожиданно для самого себя, Глеб впал в секундное замешательство.

– Добрый день, Виктория! – поприветствовал он молодую женщину в домашнем плюшевом костюме, растеряно уставившуюся на него – она впервые увидела Глеба без солнцезащитных очков.

– Как Вы догадались, что это я?

– Вас выдал Kenzo, – Глеб слегка улыбнулся.

– Разве, я одна пользуюсь Kenzo?

– Из моих соседей, только Вы. Проходите.

Она тихо поблагодарила и проскользнула мимо него в прихожую, и тут же остановилась, увидев впереди не очень-то радушного меня.

– Я, собственно, на минутку, – она прислонилась спиной к стене ванной комнаты.

– Тогда, присаживайтесь, – Глеб указал на круглый кожаный пуфик, стоящий почти у порога, и направился на кухню, – и говорите громче, потому, что я собираюсь делать салат.

Вика поспешила за ним.

– Может, я...? – несмело предложила она.

– Конечно! – и Глеб с готовностью поставил на стойку миску с овощами и протянул нож. – Только руки помойте.

Вика отдернула руку назад и слегка растерявшись, направилась к мойке.

– Крупно, мелко?

– Средне, – Глеб сел на высокий барный стул, лицом к Вике.

– Постараюсь, – улыбнулась Вика, в отличие от сына, не стесняющаяся своих слегка «заячьих» зубов.

– Отлично, я люблю, когда женщина старается, – бьюсь об заклад, именно так подумал Глеб, а вслух сказал, – рассказывайте.

– Женя сказал, что Ваша дочь пригласила его на День рождения...? – как бы вопросительно закончила она.

– Да. У них, знаете ли, всё серьёзно, – улыбнулся Глеб.

– Правда? – смеясь, удивилась Вика, и смущённо опустила глаза.

– Женя собирается, как ни странно, жениться на Жене.

Оба слегка посмеялись.

– Ох, мне этот жених! – весело вздохнула Вика. – Он всё время на ком-то женится. Первый раз собирался в четыре года.

– Самый возраст! – поддержал Глеб.

– О, да!

Ещё она спросила о том, как мы будем добираться за город, я ведь тоже еду. Глеб ответил, что за нами приедет машина, и после окончания празднования, она же нас и отвезёт обратно.

Глеб знал, что Вика красива, и разговаривал с ней как с красивой. Описывая внешность своей мамы (по просьбе Глеба, разумеется), Женька сказал, что у неё какие-то там волосы (немного светлее Глеба), глаза (какого-то неоднородного цвета, тоже напоминают Глебовы), прямой тонкий нос (это не в нашу породу) и красивая улыбка. Да, наверное, так и есть, но я в человеческой красоте мало понимаю – для меня важно то, что у людей обычно считается недостатком. Например, если человек добрый, то говорят, что он бесхребетный, если доверчивый, то простодырый, если хочет помочь, советуют не лезть. И глядя на Вику, я понимал, что она бесхребетно-простодырая. Это меня радовало, но огорчало то, что она менялась в лице, когда видела Глеба.

– Как это ужасно, знать, что рядом красивая девушка и не видеть её! Фантазировать можно до бесконечности, и каждый раз получать новую красоту, но хочется понять, как в действительности она выглядит! А как узнать, насколько ты приблизился к оригиналу? Никак, – часто делился со мной Глеб, а наш юный друг делился с Глебом всем, словно он немой, а не незрячий.

Так, например, от него мы узнали, что Вика предпочитает Kenzo и в прошлом фотомодель, и это дало Глебу право надеяться, что стандартные параметры не утеряны. И надеялся он не зря.

Ещё Женька рассказал, что у родителей «контры» – Вика застучала папу с какой-то Клеопатрой. После чего собрала вещи, забрала сына и сняла эту квартиру.

– Боже, как летит время! Кажется, только вчера они переехали сюда, а сегодня, возможно, это мой будущий зять! – прикалывался Глеб. На самом деле с момента их заселения прошло почти два месяца.

Отец Жени, бизнесмен и депутат, алиментов не платил (официального развода не было) и помогал ровно «ноль», пытаясь таким образом вынудить жену вернуться. Но Вика не сдавалась. Хотя, работать она никогда особо не работала, разве что, фотомоделью (но куда теперь?), всё-таки устроилась в какой-то детский центр преподавателем английского языка, хотя иняз так и не окончила.

– Хочу, чтобы мама вернулась к папе, – признался как-то Женька.

Глеб успокоил его, что обязательно вернётся, но мне сказал, что вряд ли.

– Гордая.

И салат стругает средне.

Глава четвёртая

Что происходило в квартире напротив после этого, я не знаю, но могу как Глеб, пофантазировать.

Например, Вика вошла в прихожую, два раза потёрла тапочками о половик, чем задрала его угол, отшвырнула обратно, и, опустив голову, медленно прошла на кухню.

Я видел, что весь разговор она дико смущалась, непроизвольно отворачивалась и опускала глаза, потому что ей казалось, будто Глеб смотрел на неё в упор. В этом нет ничего удивительно, мне самому так часто кажется, и я уверен, что он бы и смотрел, если бы мог. И ещё я уверен, что приходила Вика к нам не для того, чтобы уточнить транспортные вопросы, а чтобы напомнить о себе, и самое главное, напроситься с нами на День рождения. Но как-то не повернулись слова.

Он был ей интересен.

Скорее всего, Глеб – первый в её жизни незрячий человек. Умный, привлекательный, состоятельный инвалид по зрению. И удивляло и обескураживало, что он ей нравился, а она ему, надеюсь, нет. Пусть считает как все, что мужчины любят глазами, а если глаза не видят, значит, и любить как-то нечем. А Вика привыкла сражать мужчин с первого взгляда. И, наверняка, считала, что, если бы он увидел её, то, сразу бы влюбился, но как быть тут?

– Осторожничает, комплексует, – предположим, решила Вика.

Мы с Глебом были у них пару раз – на новоселье и один раз заходили за Женькой.

Их квартира имела те же квадраты, что и наша, но сохранила первозданную планировку – кухня на кухне, в зале два дивана.

Если фантазировать дальше, то допустим дело было так.

С кружкой чая Вика вошла в комнату и села на свой диван, стоящий почти у двери и не запрошенный с утра. Женька батонил на своём диване, по другую сторону от двери, пялился в телик.

– Ма, да он нормальный! Понимаешь?! – он привстал, опершись на руки, и обернулся к маме. Казалось, он может даже заплакать от обиды и недоверия.

– Я и не говорю, что он ненормальный. Нормальный. Просто я мало о нём знаю, а времени ты с ним проводишь много.

– Я тебе уже рассказывал.

– Значит, повтори. И поподробней.

– Ладно.

Женька сел, полностью развернувшись к ней.

– Примерно половину своего зрения он потерял ещё в утробе матери, остальное – от рождения до 37 лет. Он знал, что наступит момент, когда для него всё станет одинаково чёрным. Он ждал своей слепоты как дня смерти, потому что не представлял, как будет жить дальше. И потому спешил. Спешил жить. Учился танцевать и играть на музыкальных инструментах, занимался живописью, много читал. Окончил институт, поступил в аспирантуру....

– Аспирантуру, – улыбнувшись поправила Вика сына.

– Аспирантуру, – слегка раздражённо повторил Женька. – Единственное, что ему было противопоказано – драки, хотя очень хотелось. Но любая встряска хрусталика или... сетчатки, – Женька задумался. – Короче, встряска значительно бы всё ускорила.

Вика серьёзно кивнула.

– Первый раз Глеб женился в восемнадцать лет.

– Рановато.

Женька посмотрел на маму взглядом, уверенным, что отнюдь не рано и продолжил.

– Родилась Маша, старшая дочь. Через шесть лет он развёлся, и женился снова. Родилась Женя, – мальчик приятно покраснел. – Развёлся семь лет назад, когда полностью ослеп. Тогда же отдал жене «в работу» свой логистический бизнес, на доход которого и живёт.

– А женщина, которая к нему сегодня приходила, это кто?

– Это Люся. Девушка, наверное.

– Девушка, – хмыкнула Вика. – Она явно старше меня.

Женька пожал плечами и принял исходное положение головой к подушке.

Вика понимала, что Женька почти слово в слово повторил рассказ Глеба, и это нравилось ей ещё больше. Её восхищало мужество человека, всю жизнь прожившего в ожидании полной слепоты. Вроде как репетиция смерти. И он в каком-то смысле был готов к этому и смирился с этим, но не озлобился, остался по-прежнему приветливым. Мне всегда казались немного забавными его переживания относительно внешности, в частности седины, но ему, как и всему человечеству, это прощительно.

Думаю, дело было, как-то так.

Глава пятая

Застегнув куртку, первым на лестничную клетку вышел Женька, оставив дверь приоткрытой – в прихожей обувалась Вика. Мы уже ждали их.

– Привет, Глеб!

Женьке нравилось, что они с Глебом на «ты», и нравилось это подчёркивать.

– Привет, Бус! – он несколько раз погладил меня по голове.

– Привет, – замучено ответил Глеб, передавая Женьке поводок.

– Здравствуйте, Глеб! Как Вы? – раздался голос Вики, бедром бортанувшей дверь, чтобы закрыть замок на второй оборот. Вика поправила джемпер, и левое плечо, по задумке модельера, оказалось голым.

– Здравствуйте, жить буду....

Вика улыбнулась его грустному оптимизму – от простуды никто не застрахован. Специально пропустив меня и Женьку вперёд, она медленно прошла мимо нашей двери, может, ждала комплимента, или хотя бы шутки о Kenzo, но Глеб только болезненно вежливо улыбнулся.

Мы вышли из подъезда и Женька заметил, что мама стала грустной.

– На работу не хочу идти, – отшутилась Вика, и надела куртку, всё это время проболтавшуюся, в левой руке. – Понедельник – день тяжёлый.

Похоже, с Викторией были солидарны и остальные прохожие, ненавидящие понедельники и всю рабочую неделю в целом. У Женьки, наоборот, было прекрасное предвкушающее настроение, и с ним было солидарно погожее весеннее утро и я.

Девушка из соседнего подъезда тянула в детский сад канючащего мальчика, лет четырёх-пяти. Здоровый мужик с увесистым пузом курил и трепался с соседом, пока молодой далматин шнырял по детской площадке. Мы переглянулись. Машины, удачно припаркованные и неудачно втиснутые, постепенно разъезжались, и двор приятно пустел.

Я уделил внимание кусту спиреи, набиравшей цвет, и как по прямой линии шёл впереди.

Женька – хороший парень, добрый. И Глеба он любил, и меня. И маму.

Я обернулся и посмотрел на Вику, лениво вильнул хвостом.

А Вика любила Глеба, и это меня не радовало. Как впрочем, и Люся, со своими визитами. Я ненавидел рыжую за то, что как только её тощая нога переступала наш порог, я сразу переставал существовать. Неужели непонятно – у нас с Глебом своя семья, всё налажено, и никого нам не надо!

Мы прошли через двор соседнего дома (так ближе), мимо минимаркета и направились к автобусной остановке.

– Постоишь со мной? – Вика окинула ожидающих автобус знакомящимся взглядом, и скрестила руки на груди.

– Ага.

– Постоишь. Меня как будто нет, – я включил ворчуна.

– Мне кажется, что он меня не любит, – сказала Вика, кивнув на меня. – Всегда так смотрит, будто цапнуть хочет.

– А за что тебя любить?! – искренне удивился я её проницательности.

– Не, мам, Бус всех любит.

– Нет, друг мой, в этот раз она права. Я люблю только Глеба.

– Глеба, конечно, больше всех, он же хозяин, – согласился Женька, что-то сжимая в кармане ветровки, скорее всего, солнцезащитные очки.

Не хозяин – друг. Жаль, не мог им объяснить, да, и не поняли бы всё равно.

– О, автобус! – Вика, как и все направилась к бордюру, но медленно, желая зайти последней, и притормозила, вспомнив, что не поцеловала сына. – До вечера, милый!

– Ага, мам! – ответил Женька, и, не дожидаясь, когда она влезет в автобус, подал мне знак, что пора идти.

На тот день был намечен прогул. Своими планами Женька поделился со мной накануне, когда Глеб попросил меня выгулять. Выгульщик-прогульщик учился с третьего урока, и, зная, что Вика будет на работе до четырёх, решил, что всё к одному, а именно к прогулу. Он уже не мог учиться, потому что на горизонте неизбежно маячили два события – окончание учебного года и День рождения Жени. И они шли, что называется друг за другом с разницей в три дня.

И ещё одно новое чувство охватило Женьку – свобода. Когда они жили с отцом, в школу и обратно его отвозил водитель – сбежать было не реально. Вернее, сам факт побега не мог остаться незамеченным. А тут-то!

Глава шестая

О событиях, изложенных в этой главе, я знаю со слов Глеба и Вики, но поводов им не доверять, даже Вике, у меня особо нет, поэтому считаю, что так и было.

Только отойдя от соседней пятиэтажки, Вика увидела Глеба, беспомощно слоняющегося возле подъезда. Она подумала, что он ждёт Женьку и меня с вечерней прогулки, но тогда было непонятно – если Глебу стало лучше, то почему он не пошёл с нами, а теперь вдруг надумал? И она непроизвольно встревожено ускорила шаг.

– Глеб!

– Наконец-то, пришла! – Глеб кинулся к ней, и понял, что не знает, с чего начать. Как сказать, что мы пропали? Что нас нет с самого утра? Что всё это время он ждал, потом пытался искать, звонил в полицию, но его заверили, что мальчик просто загулялся, и что не стоит переживать, если с ним такая умная собака. Какой бред!

И когда он всё это на неё опрокинул, она стала дышать громко и редко, потом прикрыла рот рукой, чтобы не завывать, и немного справившись, спустила руку на шею.

– Я слышал, как тёрлись подошвы туфель об асфальт, потому что она крутилась, оглядывая местность. Потом переспросила, и мне пришлось повторить, – рассказывал мне Глеб. – Обозвав блюстителей порядка идиотами и конченными придурками, Вика сняла сумочку с плеча и рванула молнию. Снова зашаркали туфли, но по-другому, и я не сразу понял, что она как цапля, стояла на одной, скорее всего, на правой ноге. Другой, согнутой в колене, она подпирала сумку, в которой зло и торопливо что-то искала. Я собирался помочь – поддержать что-нибудь или предложить присесть, как она сама резко пошла к скамейке.

Найдя телефон, она успокоилась и на несколько секунд затихла. Потом вдохнула и выдохнула, словно ей было невыносимо жарко, и наконец, решилась позвонить. Я чувствовал её объяснимую нервозность и страх, но не только за сына, но и за саму себя. Почему-то я решил, что в случившемся она уже обвинила себя, молниеносно выстроив цепочку событий, приведших к этому моменту.

Абонент долго не отвечал, и Вика, скинув сумку на скамейку, рывком встала и вернулась на тротуар, в надежде увидеть вас (то есть, нас, хотя, скорее всего, я её не интересовал – прим. Бус).

Видимо, абонент, как и Вика, тоже не поверил в услышанное, и потребовал повторить.

– Я была на работе! Понимаешь?! На работе! Потому что у нас нет денег! Потому что ты заблокировал все наши карты, и поэтому...! – её голос оборвался резко, из-за напиравшего разъярённого мужского голоса в трубке. – Что ты ещё хочешь знать?! Сделай что-нибудь! Его никто не ищет! – и обвинительный крик перешёл в беспомощный рёв, напугавший Глеба и прохожих.

Глава седьмая

Нас нашли поздним вечером. Как им это удалось, не знаю. Видимо, их так учили, этих людей и собак.

Сначала я услышал лай, короткий, уверенный, даже, радостный, потом мужские голоса. И мой заплывший левый глаз, всё-таки поймалдвигающийся высоко по кругу луч света. Женька никак не отреагировал.

Через несколько минут голосов стало больше и вниз на нас уже бил ослепляющий проектор. Я не видел, как мужчина спустился в колодец, и как осматривал Женьку, но слышал, как он громко крикнул вверх.

– Живой!

Потом он, видимо, стал грузить Женьку на носилки или что-то подобное для подъёма вверх, и зацепил меня, надавив на рёбра, которые зверски болели, и я взвизгнул.

– И ты живой? – радостно удивился спасатель.

Через какое-то время он дал команду и Женьку стали медленно поднимать.

Я знал, что Глеб где-то рядом и ждал, когда услышу его.

– Бус!

Наконец-то настал мой черёд! Конечно, он не услышал моего тихого ответа, и снова позвал.

– Бус! Я сейчас приду! Слышишь?!

Спуститься Глебу, разумеется, не позволили и меня грузил Женькин спаситель.

– Потерпи, Бус, потерпи. Всё будет хорошо.

В тот момент я сильно сожалел, что не умею разговаривать как люди, а сказать хотел многое. Хотя, выразить безмерное счастье, которое я испытывал, всё равно бы не получилось. И моё приветствие, в итоге, получилось жалобным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.